

14 дней пожизненно. О книге воспоминаний Габриеле Кёпп

Дмитрий Волчек: В Германии вышла книга воспоминаний 80-летней Габриеле Кёпп, профессора физики. “Ну почему я родилась девочкой?” – так называется эта книга о двух неделях кошмара, которые пережила пятнадцатилетняя Габи Кёпп в январе 1945 года, когда ее несколько раз насиловали советские солдаты и офицеры. Книга ставит вопросы, которые в немецком обществе немногие решались поднимать. О свидетельствах Габриеле Кёпп рассказывает берлинский корреспондент Свободы Юрий Векслер

Юрий Векслер: До 1990-х годов в Германии писать о чувствах жертв победителей во Второй мировой войне было не принято, такие тексты считались неприемлемыми для печати. И нарушение этого табу, как в случае с книгой Габриеле Кёпп – дело частное, здесь нет политики, правительство к этому отношения иметь не хочет. Но любой свободный человек имеет право на поступок. Такой поступок совершила Габриеле Кёпп, опубликовав свою исповедь.

Война превращает человека в зверя. Это она рождает такие стихи:

Диктор:

Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.
Так хотел он, его вина,—
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.
Пусть исплечется не твоя,
А его родившая мать,

Не твоя, а его семья

Понапрасну пусть будет ждать.

Так убей же хоть одного!

Так убей же его скорей!

Сколько раз увидишь его,

Столько раз его и убей!

Юрий Векслер: С такими мыслями и шли советские солдаты освобождать свою землю, а затем и завоевывать Европу. И такими их запомнили женщины Германии.

15-летняя Габи Кёпп, полуробенок, выглядевшая даже моложе своих лет, стала жертвой многократных

изнасилований, и этому нет никаких оправданий. Одно дело – беспощадность к вооруженному и сопротивляющемуся врагу, другое – беззащитные женщины. Кёпп описывает приход Красной армии в деревню, где она и другие беженки оказались волею судьбы. Первые атаки Габи удалось как-то отбить, один раз ее от своих же защитили советские солдаты: уж слишком молодо она выглядела. Но пружина агрессии только начинала раскручиваться, превратив через несколько часов жизнь Габи и других женщин в ад.

Диктор: “Не успела я перевести дух после того, как удалось избежать насилия в доме, куда меня затащили, – новый ужас прямо на пороге нашей кухни. Из соседней комнаты слышу грубые агрессивные голоса, говорят по-русски. Несколько женщин выбегают из этой комнаты на кухню. Мы с Рут пытаемся выскочить из дома, но натываемся на двух красноармейцев: один из них тут же хватается за Рут и тащит в коридор. Перепуганная, замечаю на себе взгляд крупного немолодого русского. Я чувствую угрозу, исходящую от этого большого широкоплечего мужчины. Он неожиданно выхватывает у меня из рук мой драгоценный хлебный мешок. Я оказываюсь между окном и столом, русский – напротив меня. Он вываливает все из моего мешка на стол и ничего не складывает обратно. Я, чтобы выиграть время, начинаю медленно собирать свои пожитки, но, конечно, не могу отвлечь его внимание. Он нетерпеливо дает мне понять, чтобы я поторопилась. Хватает меня через стол и пытается вытащить из кухни. Я вырываюсь, и снова между нами стол. Тогда он приходит в бешенство, выхватывает пистолет и направляет мне в голову. Я обращаюсь к одной из женщин, которая знает русский, с просьбой перевести мои слова, но она не реагирует. В ее глазах я вижу страх. Ясно, что все женщины до смерти перепуганы, и я понимаю, что на их помощь не могу рассчитывать. Никто мне не поможет, мои силы убывают, я больше не смогу сопротивляться. Русский побеждает в этой неравной борьбе, он притягивает меня к себе, снова вырывает мой мешок и кладет на подоконник. После этого выталкивает меня в темный коридор. Куда он меня тащит? Я ничего не вижу – только чувствую под ногами ступеньки, ведущие вверх, на чердак. Там настолько низкая крыша, что даже я не могу полностью распрямиться – наверное, это была комнатка для новорожденного. Русский бросает меня на кровать. Я сопротивляюсь из последних сил, тогда он снова выхватывает пистолет и приставляет мне к виску. Мужество, с которым я несколько часов оказывала сопротивление всем нападавшим, покидает меня. Этот страх – страх, что меня застрелят, оказывается сильнее. Я чувствую, что меня все покинули. Почему я не осталась с мамой, почему она послала меня вперед? Но еще тлеет даже в этом ужасе огонек надежды. Я думаю: “Но должно же все снова стать хорошо, не должны же эти мерзавцы навсегда остаться сильнее, чем я”.

Отчаяние пятнадцатилетней переплавляется в необузданное бешенство...

Когда я, спотыкаясь, спустилась с чердака в дом, меня тут же схватил еще один русский...

Только после этого мне удалось вернуться в комнату, где находились беженки”.

Юрий Векслер: Второй фрагмент. Габи прячется под столом среди нескольких мальчиков, прикрытая пальто подруги, с которой она пятнадцатилетнего Эвальда.

Диктор: “...Мы напряженно вслушиваемся. Различаем по голосам двоих русских, что находятся в нашей комнате. Они ищут молодых женщин. Переводчица озвучивает все ту же ложь, что две “паненки” должны явиться к офицеру. Неужели они всерьез думают, что кто-то из нас еще верит их словам? Так как никто из женщин не готов идти добровольно, они угрожают всех нас расстрелять. Мы слышим в нашем укрытии, что Рут они уже готовы увести, но кого еще, кто будет второй? Женщины дрожат от страха, что кого-то из них сейчас схватят. Я, не видя их, чувствую это, и мне кажется, что они ищут меня взглядами. Эвальд укутывает меня еще сильнее своим пальто и шепчет мне, чтобы я ни в коем случае не откликнулась, пусть другие женщины идут, если они боятся, что их расстреляют. Но тут фрау В. произносит: “А где наша маленькая Габи?”

Она повторяет свой вопрос еще раз и еще раз. И, в конце концов, вытаскивает меня из-под стола. Я думаю с ненавистью: “Со мной значит вы можете так – я здесь одна, и некому за меня заступиться”. В этой ситуации и Эвальд ничем мне помочь не может. Если бы он попробовал, то солдаты, я уверена, сразу же без колебаний застрелили бы его.

То, что я 60 лет назад сочла подлостью, сегодня я назвала бы куда жестче. Из холодного эгоизма эти женщины выдали 15-летнюю девочку на растерзание. Прекрасно понимая, что они делают. Эти двое русских не стали бы искать под столом: там лежали мальчики, и меня не было видно. Сейчас, когда я это пишу, во мне клокочет ненависть. Ненависть к тем женщинам, которые промолчали бы, если бы я была дочерью одной из них.

После того, как двое налетчиков вынудили нас покинуть комнату, они вытолкали нас во двор. Было очень

холодно, снег хрустел под ногами. Нас, подталкивая, повели по деревенской улице и затащили в какой-то дом. В нем темно, всё разгромлено. Почти все окна выбиты. В комнате один из русских зажигает свечку и ставит ее на стол. Мерцающий свет выхватывает его немолодое лицо. На столе стоят рюмки, некоторые разбиты. Рут плачет, но слезы не могут смягчить сердца красноармейцев. Они как будто не понимают нашего страха. Мне тоже очень страшно, но слез у меня уже больше нет. Да они бы ничем не помогли. Пожилой русский тянет Рут на диван. Они разговаривают – Рут немного знает польский. Другой русский тащит меня в соседнюю комнату. Глубоко во мне кричит полный отчаяния голос: “Почему мне никто не помогает. Я не вынесу всего этого!”...

Когда нам с Рут удается покинуть жуткое место и мы мчимся к нашему дому, пухлая Рут рассказывает мне, тяжело переводя дыхание, что ее на этот раз не тронули: ей удалось болтовней как-то отвлечь пожилого русского. Рут хотя и молода, но полновата и ей тяжело бежать, так что мне приходится замедлять ход. Но и так нам удается добраться до дома, избежав встреч с другими мучителями. “Если бы мама знала”, – думаю я. Фрау В. пытается меня утешить. Среди всех женщин она со мной наиболее дружелюбна. Но мне не нужно ее утешение, именно ее утешение мне даже особенно не нужно. Это же она меня предала. И она своими словами не в силах изменить то, что уже произошло, и чего могло не быть, если бы не ее предательство. Скорее, рядом с Эвальдом я смогу хоть как-то утешиться. А Эвальд похоже проспал все это время. Я валюсь с ног от усталости, чувствую себя раздавленной”.

Юрий Векслер: Фрагмент третий. Габи пытается уснуть на скамейке перед печью, свернувшись калачиком и закрыв лицо руками в надежде, что ее примут за мальчика...

Диктор: “Я слышу, как один из русских хочет увести девочку: ее мать многократно повторяет, что ей всего 9 лет. Русский не верит, он говорит, что немецкие солдаты делали то же самое, даже еще хуже. И другие красноармейцы говорили нам потом, что немцы убили их родителей, братьев, сестер, целые семьи и так далее. Я не могу в это поверить, я не верю. Я думаю о своем отце и о дяде Рейнгольде, которые уж точно ничего подобного совершить не могли. Я думаю, что русские солдаты такими обвинениями хотят оправдать то, что они себе позволяют с нами...”

Девочка противится, но все бесполезно. Не поднимая головы, я узнаю ее по голосу. Я знаю, что она выглядит минимум на 13 лет, что она заметно крупнее меня. Ее мать говорит, что пойдет вместе с ними. Это бесит русского. Девочка плачет и начинает громко молиться. Это еще более раздражает парня... Вскоре после того, как он со своей добычей удалился, снова открывается дверь, и другой русский подходит ко мне. Я делаю вид, что сплю, он поднимает мою голову, смотрит на меня, бормочет нечто вроде “слишком мала” и оставляет меня в покое”.

Юрий Векслер: В книге опубликованы записи 16-летней девочки и комментарии взрослого человека. Габи ничего не подозревала о Холокосте. Через много лет она узнала, что на первый день ее страданий пришлось освобождение Освенцима советскими войсками.

Само слово “изнасилование” встречается в книге только однажды, и то из чужих уст: беженки говорят между собой, что русские мол еще и ничего, только насилуют женщин и девушек... Габи неведомо, что означает это слово, ей непонятно и почему женщины говорят “только”... В дальнейшем в своем дневнике она не применяет это слово к себе, вообще описывает только обстоятельства, а те места, где ее мучили, называет в книге “ворота в ад”, “жуткое место”, насильников же различает только по возрасту и называет чудовищами и мерзавцами. Книга – протокол непрекращавшегося в течение двух недель насилия. Габи описывает сцену, происходившую 29 января: в дом к беженкам вбегает местный крестьянин, который рассказывает, что хотел накормить скотину, но его окликнули русские, а он не остановился и от страха бросился бежать – и вот теперь они бегут за ним. Тут же врываются вдрызг пьяные солдаты, находят мужика и волокут его в комнату. 15-летний Эвальд Куске, с которым Габи успела подружиться, откликается на вопрос русских солдат, сможет ли кто-нибудь переводить (он немного знает польский). Через несколько минут солдаты выводят крестьянина во двор и расстреливают его, а еще через пару минут выводят мальчика и расстреливают и его тоже. За что? Почему? Бессмысленная беспощадность...

Мать, которую Габи Кёпп увидела только через 15 месяцев, была единственным человеком, которому она могла и хотела все рассказать, но мать отказалась ее слушать: “Нет, не рассказывай, запиши все это”. И 16-летняя Габи записала все, что с ней случилось, и эти записи теперь, через 50 с лишним лет, легли в основу ее книги. Отказ матери выслушать ее стал для Габриеле Кёпп еще одной травмой.

Сейчас в Германии обсуждается тема сексуального насилия над детьми и подростками в стенах католических учреждений. Специалисты объясняют, какие глубокие психические травмы получают жертвы насилия. История Габи Кёпп тому подтверждение.

После описанных в книге событий у нее более 7 месяцев не было месячных – синдром, известный в немецкой медицине, как “красноармейская болезнь”. Всю жизнь ее мучили кошмарные сны.

После войны Габриеле Кёпп стала физиком, специалистом по элементарным частицам, профессором. В возрасте 47 лет, во время работы над докторской, ее поразил психологический кризис, и она обратилась к психоаналитику. Она даже платонически влюбилась в этого женатого мужчину, и это была ее первая и последняя взрослая любовь. Психоаналитик посоветовал ей написать книгу, но решила на это Габи Кёпп только через 40 лет. Она сумела наполнить свою жизнь работой и заботой о других, но у нее никогда не было ни мужа, ни мужчины. Она стала крестной матерью для 8 детей своих знакомых, и эти ее крестники трогательно заботятся о Габриеле Кёпп. В одном из немногочисленных интервью она сказала: “Работа над книгой стала для меня облегчением, но были и моменты или даже часы, когда я просто выла во время работы. Но я должна была все это высказать, мне это было важно, ведь это важная часть моей жизни”.

Одна из рецензий на книгу называется “14 дней пожизненно”.

Дмитрий Волчек: Послесловие к книге Габриеле Кёпп “Ну почему я родилась девочкой?” написала историк Биргит Бек-Хеппнер. Вот как она ответила на вопрос Юрия Векслера, ведутся ли в Германии исследования на эту тему:

Биргит Бек-Хеппнер: Проекты такого рода есть, например, в Лейпциге, где ученые пытаются собрать свидетельства тех, кто подвергся изнасилованиям в первые послевоенные месяцы, но таких женщин уже не так много, прошло много лет. Свидетельства, подобные книге Габриеле Кёпп, конечно же, важны, как субъективный опыт, но исследователи не могут делать выводы исключительно на их основе. Истинных чисел мы, видимо, никогда уже не узнаем. Наиболее убедительная статистика по Берлину, опирающаяся на данные медицинских учреждений, куда обращались пострадавшие от изнасилований женщины, приводится в книге Хельке Зандер и Барбары Йон “Освободители и освобожденные” – там говорится о 110 тысячах изнасилованных в Берлине женщин, но это так сказать белые цифры, ведь многие женщины не обращались к врачам. К тому же многих женщин насиловали неоднократно.

Юрий Векслер: В названии упомянутой Биргит Бек-Хеппнер книги есть ироническая игра слов. Слово “бефраер” – “освободитель” отсылает немцев к знакомому и нам слову фраер, по-немецки – это клиент проститутки. Цитата из этой книги: “К моменту штурма Берлина, в котором участвовали 450 тысяч советских солдат и офицеров, в городе жили 1,4 миллиона девушек и женщин. В результате изнасилований 11 тысяч из них забеременели. Примерно 10 тысяч женщин заплатились жизнью или здоровьем”. Имеются в виду - тяжелые заболевания и смертельные случаи, как следствия насилия, самоубийства и убийства.

Дмитрий Волчек: Если уж в Германии тему, поднятую Габриеле Кёпп, нечасто обсуждали, то что говорить о России. Сама постановка вопроса у многих вызывает возмущение, воспринимается как реваншизм, русофобия, подтасовка фактов. А даже если и признают, что насилие над гражданским населением Германии было, то о нем говорят, как о локальных эпизодах, прискорбных случайностях жестокой войны. Историк Марк Солонин не побоялся пойти против общественного мнения. Этим летом московское издательство “Яуза” выпустит сборник его работ “Нет блага на войне”. Войдет в книгу и статья “Весна победы. Забытое преступление Сталина”. Опубликованная в прошлом году в Интернете, эта работа вызвала ожесточенные споры.

Марк Солонин: Там сорок три тысячи просмотров и огромное количество комментариев. Такое ощущение, что это комментарии-матрешки, которые делают по одной пресс-форме. Комментарий обычно состоит из двух частей: “все это вранье, ничего этого, конечно, не было”, а дальше, без запятой, идет следующая часть, – “так им и надо”. Ничего не было, но так им и надо. То есть у значительной части нашей публики к этому вопросу отношение шизофренически раздвоенное.

Давно есть цифры и исследования, которые проводили немецкие историки, общественные и политические деятели, эта работа началась через несколько лет после завершения Второй мировой войны. Самая минимальная оценка убитых (я говорю именно о самом тяжелом преступлении; тяжелее, чем убийство преступления, наверное, быть не может, и уж в любом случае никто не скажет, что сами убитые хотели, намекали, и заигрывали, чтобы их убили), так вот, по самым минимальным оценкам – 473 тысячи человек гражданского населения погибло в конце 1944-го – в первые месяцы 1945 года. Это только те территории, которые потом отошли к Советскому Союзу или к Польше, то есть Восточная Пруссия, Померания, Силезия. В эту цифру не входят жертвы бомбардировок Дрездена, не входят погибшие в Берлине во время бомбардировок и ожесточенных уличных боев – это только те люди, которые погибли на аннексированных в дальнейшем территориях. Обратите внимание, я три раза употребил глагол “погибли”. Это не обязательно

значит, что они были преднамеренно убиты, это и те, кто попал под обстрелы, это и колонны беженцев, которых раздавили советские танки, это и корабли, кораблики, лодочки и шхуны, на которых два миллиона немецких беженцев с Балтики пытались бежать в Данию или в будущую американскую зону оккупации – их топили всеми имеющимися техническими способами. Вот таким образом без малого полмиллиона гражданского населения (еще раз подчеркиваю, в эту цифру не вошли мобилизованные, призванные в армию – в вермахт и СС), насильственно погибшего в течение нескольких месяцев, максимум полугода. Убитых можно зафиксировать: вот человек был, а потом его нет, иногда можно найти труп, иногда – свидетельские показания родственников, соседей. Сексуальное насилие вообще трудно как-то пересчитать, но мне представляется, что любые оценки, которые звучат, не могут быть сильно преувеличены, потому что, если состояние армии, установки командного состава были таковы, что оказалась возможной насильственная гибель 473 тысяч человек, то в этой обстановке было бы странно, если бы сексуальное насилие не измерялось подобными или еще большими цифрами.

Дмитрий Волчек: Подзаголовок вашей статьи – “Забытое преступление Сталина”, и сейчас вы сказали, что были такие установки. А какие были сталинские установки?

Марк Солонин: Установок этих никто не видел, и я предполагаю, что их никто не увидит в ближайшие годы, даже если они когда-то и были зафиксированы на бумаге. В силу ряда косвенных причин, о которых я неоднократно говорил, у меня есть основания предполагать, что была установка на изгнание немецкого населения (то, что сейчас называется “этнической чисткой”) с тех территорий, которые должны были в дальнейшем быть аннексированы и перейти к Советскому Союзу и Польше. (Ну, в 1944-45 году Сталин, конечно, Польшу понимал, как свою, марионеточную псевдо-Польшу). Эти территории, на которых проживало 8 или 9 миллионов немцев, было решено очистить от немецкого населения, и для этого был выбран самый простой, самый дешевый, не требующий ни малейших транспортных затрат способ – ни бензина, ни угля, ни эшелонов, ничего не надо потратить, просто нагнать такого страха на население, чтобы оно, бросив все, бежало. Что и было, безусловно, реализовано – население бросило все и бежало, по морю, по снегу, как угодно. Еще раз повторяю, что никаких прямых письменных директив Сталина на этот счет я никогда не видел, но мне кажется, что в ситуации, когда мы с вами обсуждаем историю верхушки тоталитарного режима, которая функционировала точно по законам мафии, всякому непредвзятому человеку должно быть понятно, что если этих директив никто не видел, это вовсе не означает, что этих директив не было. Пусть мне кто-нибудь покажет директиву об обстреле Майнилы накануне финской войны, вообще директиву о финской войне – никто этой директивы не видел; однако, финская война была.

Дмитрий Волчек: Наверняка были и советские офицеры, которые пытались воспрепятствовать насилию или наказать виновных, отдать под трибунал. Вам известны такие случаи?

Марк Солонин: Да, конечно, таких случаев много, такие случаи фиксируются с двух сторон. Они зафиксированы в воспоминаниях советских участников событий и в немецких документах. Причем дело доходило до таких феноменальных ситуаций, когда за несколько недель до окончания войны советские офицеры перебежали на немецкую сторону и в ходе допроса сообщали, что они это сделали потому, что, сколько могли, пытались обуздать бесчинства своих подчиненных, но дальше уже просто не способны были это сделать. То есть, безусловно, такие усилия предпринимались, в том числе и на достаточно высоком уровне. Я еще раз подчеркиваю два важных момента. Первое. Решение об этнической чистке территории, если оно было принято (а я считаю, что оно было принято), относилось только к тем территориям, которые должны были быть аннексированы Советским Союзом и переданы Польше. А территория, которая стала зоной советской оккупации, будущей ГДР, не нужна была Сталину пустой, она нужна была вместе с немцами, поэтому в тот момент, когда советская армия начала наступать там, начали сыпаться сверху совершенно другие директивы. Одну из них я привожу у себя в статье. Это директива, принятая за несколько дней до начала наступления от Одера на Берлин, она адресована командующим военными советами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронта Жукову и Коневу, и она начинается словами: “Ставка приказывает изменить отношение к немцам, относиться к ним мягче”. В то же время, два других фронта – 2-й Белорусский и 3-й Белорусский, которые продолжали боевые действия в Восточной Пруссии и Померании, такой директивы не получили. Хотя, казалось бы, что же мешало в начале директивы написать еще два фронта? Поэтому на тех территориях, на которых не ставилась задача изгнания (это будущая ГДР), там, безусловно, начали к концу военных действий идти другие установки. Это один момент, почему мы видим такую противоречивую картину. А второй момент заключается в том, что, конечно же, указания об изгнании немцев никогда не были отданы в виде письменного приказа, доведенного до уровня командира полка и батальона. Были даны некоторые установки – скорее всего, устные. В отсутствие явного письменного приказа, на 99% все зависело от конкретного командира батальона, роты и взвода. Вот как себя вел этот старший лейтенант или капитан, который командовал ротой или батальоном, так и происходили события на немецкой территории. Где-то было

полное кровавое безумие, а где-то (это, я подчеркиваю, фиксируется в немецких документах) выставляли караулы, собирали женщин в какое-то крупное здание, в церковь, в школу, в больницу, выставляли вооруженные патрули. То есть действительно, были не единичные, а очень многочисленные случаи, причем, чем ниже вниз по служебной лестнице, тем их было больше, когда командиры низшего и среднего звена пытались навести порядок и дисциплину. И, пожалуй, еще нужно добавить третий момент: ведь именно командиру батальона воевать надо, командовать своими подчиненными на поле боя, а для этого надо, чтобы в его батальоне или роте поддерживалась дисциплина и, по крайней мере, все были трезвые. А когда все трезвые, когда поддерживается какая-то воинская дисциплина, до изнасилования и дела не дойдет.

Дмитрий Волчек: А когда и как это всё закончилось?

Марк Солонин: Это начали очень жестко пресекать, как только были решены главные задачи, когда, во-первых, была проведена этническая чистка, и, во-вторых, как только произошел контакт с западными союзниками. Фактически с начала мая шел вал директив, публичных расстрелов перед строем, выездных заседаний военного трибунала и так далее. То есть происходило абсолютно то же самое, что и во время колхозного строительства после великой статьи Сталина “Головокружение от успехов”. Сначала была дана одна установка – гнать в колхоз всех и раскулачивать всякого, кто вякает против, потом была дана следующая установка, что это перегибы на местах. Мудрый товарищ Сталин как всегда прав, и самых активных, тех, кто несколько месяцев назад очень активно раскулачивал, вот их же и отправили под нож. То же самое абсолютно, это один Сталин, то же самое государство и один стиль. Это повторилось в Германии в мае 1945-го. Стремительно начали искать стрелочников, находили их, расстреливали перед строем, началась активная борьба с прогибами, буквально с мая, то есть, с последних дней войны.

Автор: Юрий Векслер (Германия), Дмитрий Волчек © Радио Свобода РАССЛЕДОВАНИЯ, МИР 👁 18931
31.05.2010, 16:17 📄 603

URL: <https://babr24.com/?ADE=86118> Bytes: 24098 / 23802 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Юрий Векслер
(Германия), Дмитрий
Волчек.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)